

П.А. Безсонова

**Калеки переходящие. Сборник стихов и
исследование**

Часть 2. Выпуск 4–6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.А. Безсонова**
Калеки переходные. Сборник стихов и исследование: Часть 2. Выпуск 4–6 / П.А. Безсонова – М.: Книга по Требованию, 2014. – 934 с.

ISBN 978-5-518-05918-4

ISBN 978-5-518-05918-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Выпускъ Четвертый получаютъ и прочтутъ прежде всѣхъ конечно тѣ читатели, которымъ онъ обязанъ и своимъ выходомъ. Я разумѣю предварительную подписку: не смотря на молчаніе большей части газетъ и журналовъ, не пожелавшихъ даже вкратцѣ перепечатать мое «Приглашеніе къ участію въ изданіи памятниковъ русскаго народнаго творчества (за исключеніемъ кажется только прошлагоднихъ С.Петербургскихъ Вѣдомостей),» подписка шла такъ успѣшно и быстро, что совершенно доказала сочувствіе русскаго общества и на сколько оно, въ пониманіи народнаго дѣла, выше своихъ самозванныхъ органовъ. За оправданіе надеждъ моихъ приношу глубочайшую благодарность. Оправдано и благодарно самое дѣло, обязанное обществу своимъ успѣхомъ: а память этого дѣла такъ жива и долговѣчна, какъ живы на долгіе вѣки Памятники народнаго творчества, издаваемые не на мѣсяць, не на годъ и не на десятки лѣтъ.

Если печатаніе готовыхъ и уже обезпеченныхъ Выпусковъ идетъ еще не такъ быстро, какъ бы желалось, то этому виною отчасти свойство самого дѣла, требующее строжайшаго вниманія къ каждому стиху, слову, звуку и знаку, а еще болѣе—недостаточное устройство Московскихъ частныхъ типографій. Впрочемъ Выпускъ Пятый на половину уже отпечатанъ (для скорости—въ другой типографіи), а Шестой поступить въ станокъ немедленно по выходѣ Четвертаго *).

Послѣ изданія Выпуска Третьяго, нашъ Сборникъ, кромѣ Стиховъ, записанныхъ со словъ, увеличился еще нѣсколькими Рукопи-

*) О продолженіи подписки объявлено въ газетѣ «День» и на оберткѣ 4-го Выпуска.

сями, которыя отселѣ вездѣ упомянуты подѣ Стихами въ сокращеніи и о которыхъ потому нужно сказать нѣсколько словъ. 1) Отъ В. М. Ундольскаго еще небольшая рукопись Стиховъ, записанныхъ въ прошломъ вѣкѣ (сокращенно «Ундол. № 6»).—2) Изъ Ростовскаго Яковлевскаго монастыря, рукопись того же вѣка, въ продолговатую 16-ю долю, съ Итальянскими нотами, замѣчательная особенно Стихами самого Св. Димитрія или объ немъ составленными («Рост. № 2»).—3) Отъ Т. Я. Гаврилова («Гаврил.») двѣ рукописи, изъ коихъ одна чрезвычайно любопытна (№ 1): новаго письма, около сотни Стиховъ, большею частію или передѣланныхъ изъ древности на ново, или изъ нашихъ печатныхъ стихотвореній на складъ народный; принадлежитъ она одному иноку, который перепискою изъ заветной книги читаетъ цѣлую Суздальскую округу.—4) Черезъ Ст. А. Шведова («Швед.») доставленная рукопись В. В. Должикова, знаменитаго въ Москвѣ пѣвца по крюковымъ нотамъ: значительная объемъ, въ 4-ку, полууставомъ новаго письма, тщательно и крупно писанная, съ кинварью и украшеніями, вся на древнихъ нашихъ нотахъ—Крюкахъ.—5) Но выше всего этого рѣдчайшая и превосходная рукопись, доставленная намъ г. Приклонскимъ («Приклонск.»): въ большую 8-ю долю, очень объемная, со множествомъ Стиховъ, изъ коихъ иные не только рѣдки, но даже единственны. Писано съ кинварью, крупнымъ полууставомъ, въ прошломъ вѣкѣ и по многимъ признакамъ—женщиною, но совершенно православною и крайне, должно думать, благочестивою. Расположена вся по годовымъ церковнымъ празднествамъ и старому календарю. Въ началѣ каждой «Псалмы» — такъ называются Стихи—заглавіе, а въ концѣ тропарь и кондакъ праздника, коему Стихъ, величаніе, иногда ирмосъ и цѣлый канонъ. При каждомъ почти Стихѣ вклеенъ старинный, иногда рѣдкій, рисунокъ соотвѣтствующаго праздника, даже рисунка по два и по три. Видно, что писавшая круглый годъ въ определенные дни по этому сборнику пѣла и молилась. Вотъ одно изъ предисловій: «Книжица Псалмы духовны избранны царя Давида, изъ разныхъ Божественныхъ книгъ въ пѣсни изданны. Кто желающаго душевнаго спасенія, да поеть, призываетъ Превышняго Бога въ помощь, Создателя и Творца, и Іаію пророка, и святителя Христова Николая Чюдотворца, подѣ покровомъ Пресвятыя Владычицы Богородицы и съ помощію святыя великомученицы невѣсты Христовой, премудрой, побѣдоносной

III

и обрученной Екатерины, и Варвары, со Предтекою Господнимъ, со всѣми Силами небесными и со Святými. И воспѣваетъ со страхомъ Божиимъ, со тщаніемъ и со умиленіемъ, тихо, кротко и смиренно, съ разсужденіемъ, Богомысленно и духовно, съ любовію. Всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. аминь.» Къ сожалѣнію. приписка этой почтенной труженицы, говорившая вѣроятно объ ней самой, позидѣ къмѣ-то, конечно владѣльцемъ, варварски вычищена; можно разобрать только первыя два слова: «по женски молю...»—Прочія рукописныя наши пріобрѣтенія не такъ замѣчательны.

Въ концѣ Третьяго Выпуска мы помѣстили уже нѣсколько Стиховъ письменныхъ и книжныхъ. отличивши ихъ отъ устныхъ и чисто-народныхъ, а вмѣстѣ и Старшихъ, именемъ Младшихъ: господствующее въ народѣ названіе имъ, перешедшее впрочемъ изъ слоя образованнаго. Псалмы и Канты. Настоящій Четвертый Выпускъ содержитъ ихъ гораздо болѣе, даже на половину: а потому намъ времени высказать объ нихъ нѣсколько объяснительныхъ замѣчаній. Не думайте, чтобы мы выписывали эти Стихи изъ книгъ: исключеніе за весьма немногими, помѣщенными для сравненія, или для того, что въ нихъ ясныя черты происхожденія. Напротивъ, какъ можно видѣть изъ указаній, напечатанныхъ нами внизу подобныхъ Стиховъ, почти всѣ они изъ рукописей, вращавшихся или доселѣ вращающихся въ обширномъ употребленіи; притомъ мы печатаемъ изъ нихъ только тѣ, которые пѣлись, поются или сохранились намъ на Итальянскихъ нотахъ и даже древнихъ Крюкахъ. Откуда же эти явленія, на первый взглядъ совершенно намъ чуждыя, особенно по своему складу и языку?

Русская родина этихъ Младшихъ Стиховъ, этихъ Псалмъ и Кантъ, на Юго-Западѣ, въ Малой и Бѣлой Руси: но и тамъ не безъ вліянія болѣе отдаленнаго.

Несомнѣнныя свидѣтельства убѣждаютъ насъ, что Индо-европейскіе народы, начиная со старшихъ братьевъ своихъ, на прѣлѣ Индійцевъ и Грековъ, имѣли еще въ язычествѣ свои религіозныя пѣснопѣнія, подобныя позднѣйшимъ Христіанскимъ Сти-

хамъ. Особенно въ сѣмъ отношеніи счастливы были тѣ, которые, какъ на примѣръ Славяне и праотцы Германскаго племени, жили долгое время въ близости и въ общеніи съ античною Греціей: связь творчества народнаго съ богатымъ творчествомъ Греческимъ не оставалась для нихъ безъ плодотворныхъ послѣдствій; потому даже позднѣйшія, христіанскія Былины Германіи, на сколько въ нихъ есть творчества народнаго, носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ возрѣній, близко сходныхъ съ греческимъ язычествомъ; потому у насъ, на примѣръ въ Стихѣ о Голубиной Книгѣ, не только вся основа древнѣйшая языческая, но и черты представленій, и творческій складъ близко тождественны съ древнѣйшими религіозными мѣстоимѣніями Грековъ. Еще къ большому счастью, на тѣхъ же мѣстахъ жительства, отъ Чернаго моря и Дуная до нижней Фракіи и Македоніи, застигло эти племена Христіанство, проникшее въ Грецію и развившееся въ ней съ такимъ же великолѣпнымъ творчествомъ, какъ великолѣпно было его творчество въ пору языческую. Пусть старанія Греціи обратить этихъ сосѣдей своихъ къ Христіанству долго оставались безплодными; пусть нѣкоторые племена, на примѣръ Германскія за исключеніемъ вѣтви Готской, ушли со старыхъ поселеній, не унеся съ собою полноты новой вѣры и связаннаго съ нею творчества: вліяніе Христіанства въ формѣ Греческой невольно достигало ихъ и сопровождало даже на новыхъ мѣстахъ жительства,—первыя Христіанскія поэмы, Былины духовныя, Стихи, во всѣхъ чисто-народныхъ и истинно-творческихъ чертахъ своихъ, проникнуты вліяніемъ вѣроисповѣданія Греческаго. Тѣмъ болѣе должны были понести на себѣ это вліяніе Славяне, долѣе другихъ племенъ оставшіеся и до конца Византіи оставшіеся сосѣдями Грековъ (мы не считаемъ здѣсь Кельтовъ-Волоховъ, какъ пришельцевъ и сосѣдей временныхъ, ни дикаго ихъ отродія — Арнаутовъ или Албанцевъ). Даже тогда, когда значительнѣйшія массы Славянскаго племени, особенно съ IV-го вѣка предъ Р. Х., двинулись съ Дуная въ Карпаты, а оттуда далѣе на Сѣверъ и Западъ, съ Греками постоянно оставались въ сосѣдствѣ ихъ заднія полчища, превратившіяся послѣ въ полчища передовыя, когда въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. движеніе переселеній устремилось обратно на Югъ и черезъ Дунай пошли сотни тысячъ Славянъ, занявшихъ болѣе половины Византійской имперіи. Долго, до IX вѣка, не принятое ими формально и по-

литически, Греческое вѣроисповѣданіе или, короче, Православіе, постоянно и изстари проникало разными путями въ слои грозного и ненокорнаго, слагавшагося народа Славянскаго, дѣйствуя на глубины его духа, постепенно претворяя его народное Языческое творчество въ творчество Христіанское. Христіанскія начала торжествовали здѣсь гораздо прежде, чѣмъ открыто и явно принята была вся внѣшняя полнота новаго вѣроисповѣданія: правда, здѣсь было еще много элементовъ языческихъ, но именно въ ихъ-то борьбѣ и взаимодѣйствіи съ началами Православными состоялъ весь ходъ развитія Славянскихъ племенъ, сосѣдившихъ, враждовавшихъ, и въ то же время заодножившихъ съ Византійцами. Черезъ нихъ же, полуязычниковъ и полухристіанъ, Славянъ, позднѣе обозначившихся именемъ Болгаръ и Сербовъ, связывались и роднились съ Греками другія, ушедшія и отдалившіяся вѣтви Славянскаго племени, между ними наша Русь: и къ ней проникало вліяніе Христіанской Греціи за долго до крещенія Ольги и Владиміра. Въ эту пору, до X и даже до IX вѣка, долгимъ ея теченіемъ, прежнее религіозное творчество Славянъ, прежнее—Языческое, мало по малу претворялось и претворилось въ Христіанское. Древнѣйшіе наши Стихи, какъ на примѣръ о той же Голубиной Книгѣ или Егоріѣ, носятъ на себѣ слѣды всѣхъ сихъ постепенныхъ переходовъ, отъ отдаленной поры языческаго творчества, облекавшейся въ туманъ и таинственность, до торжества самыхъ свѣтлыхъ Православныхъ образовъ: на эту внутреннюю исторію нашего творчества, въ Былинахъ и особенно Стихахъ, по всѣмъ ступенямъ переходовъ, мы указывали не разъ въ своихъ «Замѣткахъ», особенно ко II-му тому Пѣсень, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ. Окончательное торжество Православія, вмѣстѣ съ открытымъ принятіемъ его, какъ рѣшительнаго Вѣроисповѣданія, въ концѣ сложившагося народа и государства, съ IX и X вѣка, выразилось и въ Стихахъ народныхъ торжествомъ свѣтлыхъ Христіанскихъ воззрѣній и творческихъ образовъ. Эти воззрѣнія, эти образы, въ глубочайшей Христіанской основѣ своей, смѣнившей языческую, вездѣ носятъ вліяніе древней Греціи и первыхъ временъ Византіи: народность Славянская, со всѣми своими средствами воспріятія, является здѣсь вмѣстелищемъ, готовымъ и выработаннымъ сосудомъ: полнота же цѣльнаго творчества заслуживаетъ имя Греко-Славянской, въ частности Греко-Русской. Памятникомъ того осталось самое имя на-

роднаго Стиха, несомненно вынесенное изъ связи съ Греціею, слово древне-греческое. Посмотрите хотя на Стихи Евангельскіе, печатаемые въ нашемъ 4-мъ и 5-мъ выпускѣ: Стихъ о Милосливой Желѣ Милосердой восходитъ къ древнѣйшимъ Христіанскимъ преданіямъ, усвоеннымъ и развитымъ на почвѣ Греческаго Православія; таковы же Хожденія Святой Дѣвы; таковы же всѣ образы въ Стихахъ о Страшномъ Судѣ. Другіе народные Великорусскіе Стихи, позднѣйшаго склада, протканы въ творествѣ именно тѣми цвѣтами творчества, которые усвоены Православіемъ въ Богослужебныхъ книгахъ, въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, обязанныхъ генію Греціи. Въ такомъ видѣ дошли до насъ Стихи, то есть лучшіе изъ нихъ, то есть чистонародные, сперва Болгарскіе и Сербскіе, потомъ въ особенности Великорусскіе, тѣ, кои мы называемъ Старшими. Всѣ они Православныя, всѣ принадлежатъ Греко-Славянскому или Греко-Русскому вѣроисповѣданію, какъ православны и сами народы, ихъ сохраняющіе, сами творцы и носители, ихъ пѣвшіе и поющіе. И здѣсь новая сторона дѣла. Если превосходство ихъ творчества такъ неразрывно связано съ Православіемъ, то мы можемъ заключить, что Православіе же главною причиною ихъ превосходства: довольно того явленія, что Стихи во всей чистотѣ своего творчества и во всей красотѣ его сохранились лишь у Православныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, Греческая древняя церковь никогда не препятствовала развитію творчества народнаго: Православіемъ своимъ она лишь питала его, претворяла въ свѣтлость Христіанскихъ образовъ и вела далѣе. Такъ поступала древняя Греція, покоряя Православіемъ народы, и такъ же поступало Православіе, принимаясь на почвѣ ихъ духа и переходя въ ихъ вѣроисповѣданіе. Вотъ тайна того явленія, отчего творчество Стиховъ нашихъ никогда не перерывалось и почему они несутъ въ себѣ всю исторію постепеннаго развитія, по всѣмъ вѣкамъ, отъ древнѣйшихъ до IX и X-го, оттуда до нашихъ дней, отъ язычества до чисто-Христіанскихъ образовъ, до современныхъ Православныхъ воззрѣній, отъ эпохи слагавшагося языка до выраженій нашего времени. Потому-то Стихи наши, во всемъ объемѣ ихъ среди Православія, суть величайшее сокровище нашего творчества народнаго, наша истинная и праведная народная гордость: въ такой чистотѣ и полнотѣ ихъ не имѣютъ уже другіе народы Европы, какъ не имѣютъ они такихъ Былинъ, такихъ полныхъ, прекрасныхъ и живу-

чигъ, расцѣваемыхъ доселѣ народомъ, Болгарами, Сербами и особенно Великоруссами. Причина явленія та же: свобода многовѣковой жизни народнаго творчества. въ лонѣ народа Православнаго, не знающаго въ Христіанствѣ препятствій, знающаго въ Христіанствѣ лишь питаніе постепенному развитію. Если чисто-народныя Пѣсни, безъ творчества искусственнаго и художественнаго, вылившіяся изъ единого творящаго народнаго духа и прошедшія чрезъ дѣятельность безвѣстныхъ народныхъ творцевъ, поются нынѣ въ Европѣ всего болѣе Славянами: то Былины и Стихи, во всей чистотѣ народнаго склада, поются нынѣ единственно у Славянъ, лучшія же у Православныхъ. Но Былево творчество вообще, въ геройскихъ или въ богатырскихъ, потомъ въ историческихъ Былинахъ, имѣло свое богатое развитіе и у другихъ народовъ Европы, оставшись теперь для нихъ памятникомъ отдаленной старины, въ книгахъ и изданіяхъ: а Стиховъ, въ томъ видѣ какъ у насъ, тамъ даже почти не было и не могло быть. Когда опредѣлялось въ своихъ особенностяхъ Католичество, при господствѣ церкви Латинской, понятой въ смыслѣ духовной іерархіи, смотрѣвшей на народы какъ на свои помѣстья и съ каждымъ вѣкомъ все тяжелѣе и тяжелѣе тяготѣвшей надъ всякою народностью во имя своего безусловнаго единства, во имя отвлеченной идеи о власти духовной, обряда, непонятнаго народу, и языка, народамъ чуждаго,—народное творчество естественно или было тѣснимо или просто не дозволяемо, являлось дѣломъ непозволеннымъ, или, вырываясь на раздолье, представлялось своеволіемъ, поднималось протестомъ противъ духовной власти, скопляло между народными слоями какъ запрещенный плодъ, приманчивый, но тайкомъ передаваемый изъ рукъ въ руки, а еще таинственнѣе вкушаемый. Великолѣпное Былево творчество, героическій эпосъ, богатырскія сказанія, все это, привлекающее насъ на разсвѣтѣ исторіи Западныхъ Европейскихъ народовъ, изъ достоянія всего народа скоро перешло въ монополію избранныхъ носителей, разносившихъ его какъ драгоценный, но запретный даръ искусства, а иногда даже какъ рѣдкій товаръ торговли. Пѣвцы чисто-народные, въ родѣ тѣхъ, которые, еще съ Гомерическими чертами, проходятъ сквозь всю нашу исторію, уцѣлѣли во очью и во множествѣ до нашихъ дней, Слѣпцы, посвятившіе свой голосъ передачѣ народнаго вдохновенія, на Западѣ Европы укрывались съ своимъ народнымъ сокровищемъ дольше

VIII

другихъ странъ лишь въ дикихъ скалахъ, приотанищѣ Скальдовъ, или за горами и упорнымъ своеобразіемъ Испаніи; въ другихъ странахъ они скоро перешли въ искателей приключеній, на половину пѣвцовъ народныхъ, а еще больше присочинявшихъ отъ себя, полупарей въ защитѣ, полуторговцевъ въ передачѣ своего вдохновенія, пѣвцовъ рыцарской любви, вытѣсняемыхъ изъ народной массы, да и не принадлежавшихъ къ ней, находившихъ ограду и защиту отъ возможныхъ преслѣдованій въ единственныхъ оплотахъ тогдашняго приволья и своеволия, въ рыцарскихъ Замкахъ, или въ службѣ при Дворахъ, всегда готовыхъ на протестъ и борьбу противъ Рима. Когда же оплоты эти пали, когда исчезъ видъ воинственнаго лагеря и враждебныхъ ставокъ, покрывававшій нѣкогда лицо Европы, когда жизнь въ ея разнообразіи снова начала переходить въ народные массы, но уже не въ безгородныя села, а въ огражденные города и городки, Былевое творчество, одинъ разъ ставшее удѣломъ лишь избранныхъ, прямо обратилось теперь въ дѣло художниковъ, писателей, даже ученыхъ, въ искусственныя поэмы, въ сочиненія, въ книги. Въ такомъ видѣ застала ихъ народность Западныхъ народовъ, когда передъ великой Реформою или ея силами начала высвобождаться изъ подъ прежняго духовнаго гнета и возвращаться къ себѣ: возвращеніе совершалось уже трудомъ и усиленіемъ, не столько въ жизни непосредственной, сколько въ сознаніи; моментъ жизни, одинъ разъ ею потерянный, уже невозвратимъ во всей свѣжести и непосредственности бытія. Для проснувагося народнаго сознанія великія поэмы средневѣковыхъ художниковъ замѣстили, но не замѣнили потеряннаго творчества народнаго: изучать отрывки народныхъ созданій, уцѣлѣвшіе по рукописямъ и книгамъ, не то что воспринимать изъ окружающей жизни и изъ устъ живаго народа; возстановлять къ сознанію народные образы, иногда путемъ филологическихъ изысканій, не то, что имѣть въ себѣ и вокругъ себя, не то, что творить или пѣть самому, слушать и получать въ удѣлъ отъ творящихъ и поющихъ. Мы говоримъ, что это совершилось въ Западной Европѣ скоро, какъ будто не знаемъ, что на то пошла долгіе вѣки: но мы говоримъ такъ потому, что у себя мы не знаемъ ни долго, ни скоро, мы имѣемъ вѣковѣчное народное творчество, дожившее до той поры, когда появились независимые отдѣльные художники и писатели, прожившее съ ними рядомъ не малое время и до селѣ живущее

бокъ о бокъ. Для насъ не существовала та борьба, между творчествомъ народа и поэтическими лицами, хотя и понятна: понятна, ибо нами писатели полтораста лѣтъ трудились отдѣлаться; не существовала и не существуетъ, ибо народное творчество, при всѣхъ своихъ потеряхъ на пройденной дорогѣ, живетъ у насъ до сихъ поръ въ достаточномъ величїи, въ достаточной полнотѣ, красотѣ и свѣжести, чтобы обратитъ къ себѣ заблудившихся, вдохновитъ ихъ, перелить въ нихъ свои силы и создать поэтическія творенія, въ коихъ сочеталась бы вся сила народнаго генія съ личными силами писателя. Пушкинъ показалъ тому примѣры въ послѣднюю половину дѣятельности: равные ему таланты, когда народятся въ народѣ, поведутъ дѣло его далѣе.—Но, если народное творчество, потушенное Латинствомъ, возженное вновь новымъ пламенемъ, воспитанное въ пламени новымъ элементомъ—личныхъ поэтическихъ силъ, воскрешенное въ новомъ и новомъ тѣлѣ—Поэмѣ, Лирѣ и Драмы, все-таки прежде того жило на Западѣ Европы,—то существованію и развитію Стиховъ, какъ отдельной области народнаго творчества, Католичество еще менѣе могло благопрїятствовать, еще болѣе должно было ставить преградъ: ихъ содержаніе почерпается изъ событій, воспринимаемыхъ вѣрою, ихъ область — область религіозная, ихъ жизнь есть жизнь церкви, а вѣра, религія и церковь не была на Католическомъ Западѣ независимымъ достоинствомъ народа, а утѣлялась ему какъ бы въ кредитъ и осторожное пользованіе руками ревнивой іерархіи, монополизировавшей изъ Рима свою собственностію. Древнѣйшія религіозныя поэмы и легенды питались тамъ въ своемъ творчествѣ или остатками силъ языческихъ, или наслѣдіемъ творчества Греческаго: послѣднее не могло питать долго и изсякало; первые возставляли на себя справедливое нареканіе и гоненіе духовенства; все остальное въ нихъ, переходившее въ рукописи и книги, принадлежало не народу, ни его возрѣнію или творчеству, а дѣлу слагателей и писателей, а сочиненію, во сколько допускалось оно основною догмою Рима: это было не то, что свободно принимаемое народомъ вліяніе духовенства; напротивъ, это дѣло духовенства, не допускавшаго свободы народному творчеству и лишь невольнo подчинявшагося порою народному вліянію. Такъ вытекало изъ сущности Латинства, такъ говоритъ и исторія. Прочтите любое изслѣдованіе о древнихъ Стихахъ въ Западной Европѣ, или хотя въ одной Германіи: вплоть до XII вѣка и даже еще въ XII-мъ, вы

X

встрѣчаете только глухіе отклики религіозныхъ пѣснопѣій въ массахъ народа, отклики, ибо громкій голосъ заглушался, уста почти зажимались насильно. Въ этихъ откликахъ вы слышите всюду только одно громкое и ясное слово: оно занимаетъ собою и цѣлый Стихъ, оно придается всюду къ безъискусственнымъ отрывкамъ какъ припѣвъ; оно слышится въ хорѣ, въ домашнемъ пѣніи, при церковныхъ обрядахъ, если къ нимъ допущены массы; оно уносится массами даже на поле битвы и служитъ тамъ воинскимъ кликомъ. Но что же это за слово? Это слитное слово *Кириеллисонъ*, его не всегда даже умѣютъ раздѣлить на два, *Кириэ елелсонъ*: это даръ Греціи и Православія, спутникъ всякаго остатка въ древнемъ народномъ религіозномъ творчествѣ. знами его свободы, это Греческое «Господи помилуй.» Съ XII-го, еще припѣвавшего «Кириэ елелсонъ,» или, лучше, съ XIII вѣка, начинается собственно развитіе Стиховъ, на первый взглядъ нѣсколько похожихъ на наши: по древнимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ, на языкѣ, уже не понятномъ для новыхъ временъ, ученымъ удалось сыскать ихъ на три слишкомъ Вѣка до трехъ Сотенъ; десятокъ—другой уцѣлѣлъ такъ и сямъ въ забросѣ по нынѣ. Но, лишь начинаете читать, вы видите тотчасъ, что это творчество не народное: то Латинскіе припѣвы, то Латинскія слова и цѣлыя выраженія; большей частію—переводъ прямо со Стиховъ Латинскихъ или же подражаніе имъ; выдержки изъ легендъ, писанныхъ также по Латыни и только переведенныхъ; легенды цѣльныя—въ родѣ нашихъ Былевыхъ Стиховъ Старшихъ—переводныя, съ книжной Римской редакціи; болѣе народны складомъ и языкомъ Стихи не Былевые, а лишь Молитвенные, Лирическіе; во всѣхъ складъ искусственный, подъ явною обдѣлкой сочинителя; рима; напѣвы опредѣленные, близко тождественные съ храмовыми, съ клерикальною музыкою; однимъ словомъ, то, что мы у себя называемъ уже Стихами Младшими. Реформація и здѣсь оживила собою дѣло: кто не знаетъ ея религіозныхъ пѣснопѣій, отъ суровой простоты выраженнаго здѣсь чувства до тончайшихъ созерцаній въ Стихѣ иллюминатовъ и мистиковъ? Но это творчество народно еще менѣе, ибо въ немъ уже нѣтъ и остатковъ первобытнаго творчества народнаго. а лишь возсозданіе народности чрезъ посредство сознанія, приращеніе къ той степени народности, на которой успѣла она высвободиться изъ подъ тяжкаго гнета и торжественно заливовать, вздох-